

Аксенов В.С., Хоружая М.В.

К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕ КАТАКОМБНЫХ МОГИЛЬНИКОВ У С. ВЕРХНИЙ САЛТОВ.

Интерес к изучению памятников салтово-маяцкой культуры харьковскими учеными естественен, ибо столь яркий памятник как Верхне-Салтовский археологический комплекс, давший название одной из богатейших археологических культур последней четверти I тысячелетия н. э. юга Восточной Европы, находится всего в 65 км от Харькова. Неудивительно, что многие археологи, независимо от сферы их научных интересов, время от времени обращались к салтовским древностям. Не обошел их вниманием и известный отечественный скифолог Б.А. Шрамко.

Еще будучи студентом, Б.А. Шрамко в качестве чертежника принимал участие в археологических исследованиях главного катакомбного могильника у с. Верхний Салтов (по ул. Замуловка, вдоль дороги на хутор Байрак), которые проводились под руководством профессора харьковского университета С.А. Семенова-Зусера. За 1946-1948 гг. экспедицией было исследовано 49 катакомбных захоронения и два отдельных конских погребения [Семенов-Зусер 1949, с. 112-137; Семенов-Зусер 1952, с. 271-284]. Результатом работ с салтовскими материалом стала первая научная публикация Б.А. Шрамко [Шрамко 1949, с. 124-126]. Первоначально и тема диссертационного исследования молодого аспиранта Б.А. Шрамко была связана с салтовской тематикой. Однако, защита в Москве Н.Я. Мерпертом диссертации по Верхне-Салтовскому археологическому комплексу [Мерперт 1949] заставила ученого направить все свои усилия на изучения древностей раннего железного века. Хотя он позже неоднократно возвращался к салтовской тематике в своих научных трудах [Шрамко 1959, с. 241-267; Шрамко 1983, с. 48-50]. С 1950 г. Б.А. Шрамко начал самостоятельные полевые исследования. При этом в поле зрения исследователя попадали памятники салтовской культуры. Так, в 1959 г. Б.А. Шрамко на Верхне-Салтовском главном могильнике, в районе Замуловки, исследовал разрушенное катакомбное захоронение в обресе яра. Камера содержала останки двух людей – взрослой женщины и ребенка, сопровождаемые бронзовой «рогатой» пряжкой, литыми и штампованными бубенчиками, железными ножами, бусами из стекла и роговика. Исследователь посчитал, что разрушение костяков в погребальной камере исследованной катакомбы свидетельствует об ограблении в древности данного захоронения [Шрамко 1960, с. 4, табл. I].

Исследования салтовских древностей бассейна Северского Донца экспедициями под руководством Б.А. Шрамко в 1950-1960 гг. нашли отражения в его монографии 1962 года, где характеристике салтовской культуре был посвящен целый раздел [Шрамко 1962, с. 265-292]. Характеристика погребального обряда раннесредневекового аланского населения бассейна Северского Донца в данной работе была дана на основе материалов раскопок катакомбных могильников у с. Верхний Салтов.

Дальнейшие исследования салтовских древностей на территории Харьковщины продолжили ученики Б.А. Шрамко. Вернулись они к исследованиям и Верхне-Салтовского катакомбного могильника, открытого здесь в начале XX века учителем В.А. Бабенко. До 1917 года на могильнике разными исследователями было раскопано 325 катакомб, из которых на долю В.А. Бабенко пришлось 255 погребальных комплексов [Кадеев 1997, с. 145]. При этом В.А. Бабенко отмечал, что «в Верхнем Салтове существует не один древний могильник, а несколько совершенно отдельных» [Бабенко 1905, с. 548]. Это было подтверждено обнаружением катакомбных захоронений на незначительном расстоянии от первого (главного) могильника, т. е. не только на склонах Капиносова и Симоненкова оврагов. Как отмечал В.А. Бабенко: «в виду больших

Рис.1 Схема расположения раскопов на Верхне-Салтовском IV катакомбном могильнике. 1 – раскопы 1996-2006 гг.; 2 – катакомба №55; 3 – катакомба №68, 69; 4 – катакомба в обрыве нетечинского яра, раскопки 2006 г.; 5 – расположение Верхне-Салтовского III катакомбного могильника; 6 – Верхне-Салтовское городище; 7 – Печенежское водохранилище; 8 – Нетечинский яр

археологического комплекса [Березовец 1975, рис. 102; Иченская 1982, рис. 1]. Однако, в отличие от главного Верхне-Салтовского некрополя, второй и третий могильники у с. Верхний Салтов долгое время не привлекали внимания исследователей.

Только в 1959-1961 гг. экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Д.Т. Березовца были произведены незначительные по масштабам работы на третьем катакомбном могильнике у с. Верхний Салтов. Дальнейшие исследования этого могильника в 1988-1994 гг. проводились экспедициями Харьковского исторического музея и Верхне-Салтовского историко-археологического музея-заповедника под руководством В.Г. Бородулина.

В 1989 г. на восточных склонах Нетечинского оврага, в 500 м от северной окраины села, В.Г. Бородулиным было зафиксировано несколько провалов над камерами катакомбных захоронений. Так как они находились в относительном отдалении от второго Верхне-Салтовского могильника, также занимающего склон Нетечинского яра, то это позволило В.Г. Бородулину заявить об обнаружении Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника (ВСМ-IV). Работы на данном могильнике проводились экспедицией Харьковского исторического музея в 1989, 1990 гг., когда было исследовано 17 катакомбных захоронений. В 1996 г. работы на могильнике вела экспедиция Харьковского педагогического университета им. Г.С. Сковороды под руководством В.В. Колоды. Тогда было рас-

затруднений, встретившихся при отыскивании и раскопок могил вновь открытых могильников, изыскания пришлось перенести на первый могильник. Трудность производства раскопок последних могильников заключалась в том, что приходилось искать ходы могил и раскапывать их прямо с поверхности земли, для чего необходимо было резать специально широкие траншеи и уже из них искать проходы» [Бабенко 1905, с. 549]. Всего в 1902 г. В.А. Бабенко исследовал на Верхне-Салтовском II могильнике – 11 катакомб, а на Верхне-Салтовском III могильнике – одну катакомбу [Бабенко 1905, с. 563-569]. Тогда же В.А. Бабенко указал и их точное место расположения: «Второй могильник отстоит от первого к югу на расстоянии одной версты, по склону горы около оврага «Нетеча». Третий могильник расположен саженьях в 100 от второго, в восточном направлении, в горах, покрытых крестьянскими садами» [Бабенко 1905, с. 548].

Таким образом, второй и третий могильники у с. Верхний Салтов заняли свое место на всех картах-схемах Верхне-Салтовского

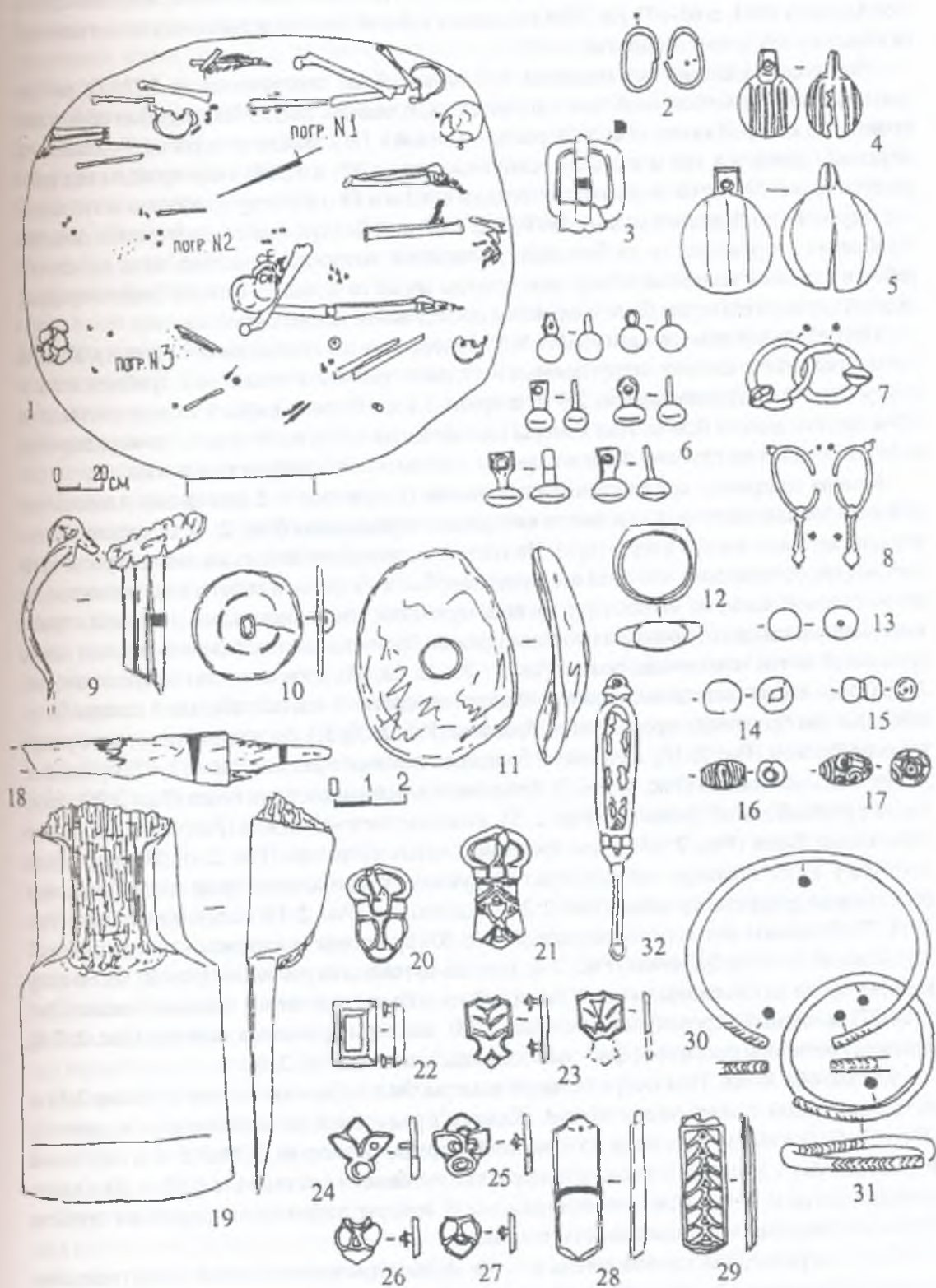

Рис. 2 Катакомба № 55. 1 – план погребальной камеры; 2-32 – погребальный инвентарь

копано еще 10 катакомб [Колода 2004, с. 213-241]. С 1998 года исследования могильнике возобновила экспедиция Харьковского исторического музея под руководством одного из авторов данной статьи [Аксенов 1998, с. 218-220; Аксенов 1998, с. 49-50; Аксенов 2001, с. 3-5; Аксенов 2001, с. 65-67]. На 2006 год общее количество исследованных на могильнике салтовских захоронений достигло 87.

Раскопки последних лет показали, что катакомбные захоронения на ВСМ-IV разбросаны на значительно большей, чем это считалось, площади. Так, в 2000 году был обнаружен провал над камерой катакомбы №55, расположенной в 7 м к западу от дороги с. Рубежное – с. Верхний Салтов и в 108 м к северу-северо-востоку от R0, а в 2003 году провалы над камерами катакомб №68 и 69 были зафиксированы в 102 м и 88 м к северу от участка могильника, исследуемого экспедицией музея в 1998-2002 г. (Рис. 1) Все три камеры подверглись попытке ограбления современными любителями древностей, которые, к счастью, из-за сложности работ и глубины залегания камер свое дело до конца не довели. Поэтому первоочередной задачей экспедиции музея было скорейшее исследование данных комплексов.

Погребальная камера катакомбы №55 поперечная по отношению к дромосу. Камера прямоугольная с сильно закругленными углами, так что в плане она приближается к кругу (Рис. 2: 1). Длина камеры 2,0 м, ширина 1,8 м. Ширина входа в камеру составляла 0,5 м при его высоте 0,55 м. Пол камеры находился на 0,15 м ниже дна входа-коридорчика и фиксировался на глубине 4,0 м от уровня современной поверхности почвы.

Камера содержало коллективное захоронение (1 мужчина + 2 женщины). Анатомический порядок костяков нарушен, кости смещены и перемешаны (Рис. 2: 1). Сохранность костей плохая, часть костей отсутствует. По костям, оставшимся лежать на своих первоначальных местах установлено, что тела всех умерших были уложены в вытянутом положении на спине головой влево от входа. При костяке мужчины, уложенном вдоль торцевой стенки камеры были найдены: бронзовая поясная пряжка, бронзовые литые бляшки от ремня пояса, бронзовый литой наконечник пояса (Рис. 2: 20, 22, 23, 28), бронзовая литая пуговица (Рис. 2: 6). Среди костей женщины, уложенной вдоль продольной оси погребальной камеры были найдены: два бронзовых проволочных браслета (Рис. 2: 30, 31), бронзовый перстень с раскованным щитком (Рис. 2: 12), железная и бронзовая поясные пряжки (Рис. 2: 3, 21), бронзовые литые поясные бляшки (Рис. 2: 25-27), бронзовый литой наконечник пояса (Рис. 2: 29), бронзовый крупный литой бубенчик (Рис. 2: 5), железное тесло-мотыжка (Рис. 2: 19), несколько стеклянные бусин (Рис. 2: 15) и две бронзовые литые пуговицы (Рис. 2: 6). Женщину, уложенную у входа в камеру, сопровождал следующий погребальный инвентарь: бронзовые сережки в виде простых колечек (Рис. 2: 2), сердоликовые (Рис. 2: 13) и стеклянные бусы (Рис. 2: 14-17), бронзовая пуговица-зеркальце (Рис. 2: 10), бронзовая шарнирная капоушка (Рис. 2: 32), бронзовый литой бубенчик (Рис. 2: 4), пряжка-пуговица из раковины (Рис. 2: 11). На полу камеры, среди разбросанных костей были найдены бронзовые литые поясные бляшки (Рис. 2: 24-27), железный черешковый нож (Рис. 2: 18), две пары бронзовых сережек (Рис. 2: 7, 8), фрагмент железной прогнутой фибулы с широкой спинкой (Рис. 2: 9).

Катакомба № 68. Пол погребальной камеры был зафиксирован на глубине 2,33 м от современной поверхности почвы. Камера продольная по отношению к дромосу (Рис. 3: 1). В камеру вел вход арковидной формы, размером 0,39x0,5 м и глубиной 0,32 м. Ширина дромоса у входа в погребальную камеру составляла 0,62 м. Дно входа находилось на 0,15 м выше пола погребальной камеры, зафиксированного на глубине 2,18 м от современной поверхности почвы.

Сама погребальная камера имела в плане форму прямоугольника с закругленными углами размером 1,47x1,68 м. В камере было совершено коллективное захоронение. Костяки мужчины, женщины и ребенка подверглись разрушению и изъятием части костей в ходе повторного проникновения в камеру, осуществленного в древности (Рис. 3: 1). По костям, сохранившим свое первоначальное местоположение, удалось установить, что умершие были уложены в вытянутом положении на спине ногами ко входу в камеру.

Костяк взрослого человека располагался слева от входа, параллельно северной боковой стенке камеры. Череп отброшен с со своего первоначального места. При погребенном обнаружен немногочисленный инвентарь: четыре бронзовых литых бубенчика (Рис. 3: 4, 5), бронзовая спиралевидная пронизь (Рис. 3: 7), два железных черешковых ножа с остатками деревянных ножен (Рис. 3: 2, 3), бронзовая штампованная поясная бляшка (Рис. 3: 9). Ребенок был уложен между костяком №1 и северной боковой стенкой камеры. Череп ребенка был отброшен к входу в погребальную камеру. Среди костей ребенка были обнаружены: бронзовый литой бубенчик (Рис. 3: 4), бронзовая штампованная поясная бляшка сердцевидной формы с растительным орнаментом по полю (Рис. 3: 10), бронзовая капоушка (Рис. 3: 8). Кости третьего погребенного образовывали кучу, расположенную в правом ближнем к входу углу погребальной камеры. Среди костей был обнаружен один бронзовый литой бубенчик (Рис. 3: 4) и одна бронзовая спиралевидная пронизь (Рис. 3: 6).

Катакомба №69 располагалась в 18,5 м к юго-западу от катакомбы №68. Вход в камеру имел в плане арковидную форму. Его размеры: высота – 0,6 м; ширина – 0,44 м; длина – 0,3 м. Дно входа находилось на 8 см выше пола погребальной камеры. Пол камеры был зафиксирован на глубине 2,35 м от современной поверхности почвы. Погребальная камера поперечная по отношению к дромосу. Камера имела в плане форму прямоугольника с сильно закругленными углами (Рис. 3: 11). Размеры ее – 1,82x2,24 м. В 5 см от входа в полу камеры было зафиксировано канавка глубиной 4 см, расположенная параллельно длинной оси камеры, и имеющая в плане форму вытянутого эллипса размером 0,34x1,44 м.

В камере было произведено коллективное захоронение (мужчина, женщина, ребенок). Все три костяка, в большей или меньшей степени, подверглись в древности преднамеренному разрушению (Рис. 3: 11). По костям, сохранившим свое первоначальное местоположение, было видно, что умершие были уложены в вытянутом положении на спине головой влево от входа, параллельно длинной оси камеры. На полу камеры была зафиксирована подстилка из древесного угля размером 1,28x2,1 м при толщине 1-2 см.

Умершая женщина была уложена параллельно торцевой стенки камеры. На одном из пальцев правой руки был найден бронзовый перстень с раскованным щитком (Рис. 3: 19). На правой ключице были расчищены две половинки бронзового штампованного бубенчика, превращенные в нашивные бляшки путем пробития одного дополнительного отверстия в нижней, выпуклой части (Рис. 3: 20). Аналогичная бляшка располагалась у локтя правой руки. Еще одна подобная бляшка находилась выше по кости предплечья правой руки. На середине длины правой бедренной кости лежали два фрагмента железного проволочного браслета (Рис. 3: 14). Возле правого плеча лежал бронзовый проволочный браслет, принадлежавший второму погребенному (Рис. 3: 17). Рядом с правой рукой была расчищена спекшаяся железная цепочка (Рис. 3: 12). За черепом погребенной женщины был найден фрагмент стенки салтовского лепного кухонного горшка. Костяк ребенка был уложен параллельно костяку женщины. Умерший мужчина был уложен вдоль длинной оси погребальной камеры ближе к входу, параллельно двум ранее помещенным в камеру покойникам. При нем были обнаружены немногочисленные вещи: два астрагала (Рис. 3: 13), бронзовая спиралевидная пронизь (Рис. 3: 16), бронзовая позолоченная бляшка, изготовленная из половинки штампованного бубенчика (Рис. 3: 20), бронзовая литая пуговица (рис. 3: 15), две бронзовые литые поясные бляшки сердцевидной формы с петелькой в нижней части для подвижного колечка (Рис. 3: 21, 22). Колечки бляшек отсутствовали, вместо них в петельки были продеты тонкие кожаные ремешки. Среди костей ступней ног были найдены: бронзовая обувная пряжка (Рис. 3: 23); бронзовый, плохой сохранности, наконечник от обувного ремешка (Рис. 3: 24, 25). В канавке возле входа лежали остатки мясной жертвенной пищи в виде трубчатой кости молодой особи крупного рогатого скота.

Датируются исследованные катакомбы на основе элементов поясной гарнитуры, обнаруженных в них. Литые бронзовые пряжки, бляшки и наконечники пояса из катакомбы №55 и 69 (Рис. 2: 20-29; 3: 21, 22) находят широкие аналогии в комплексах II хро-

Рис. 3 Катакомбы № 68, 69. 1 – план погребальной камеры катакомбы № 68, 2-10 – инвентарь из катакомбы № 68; 11 – погребальная камера катакомбы № 69; 12-25 – инвентарь из катакомбы № 69.

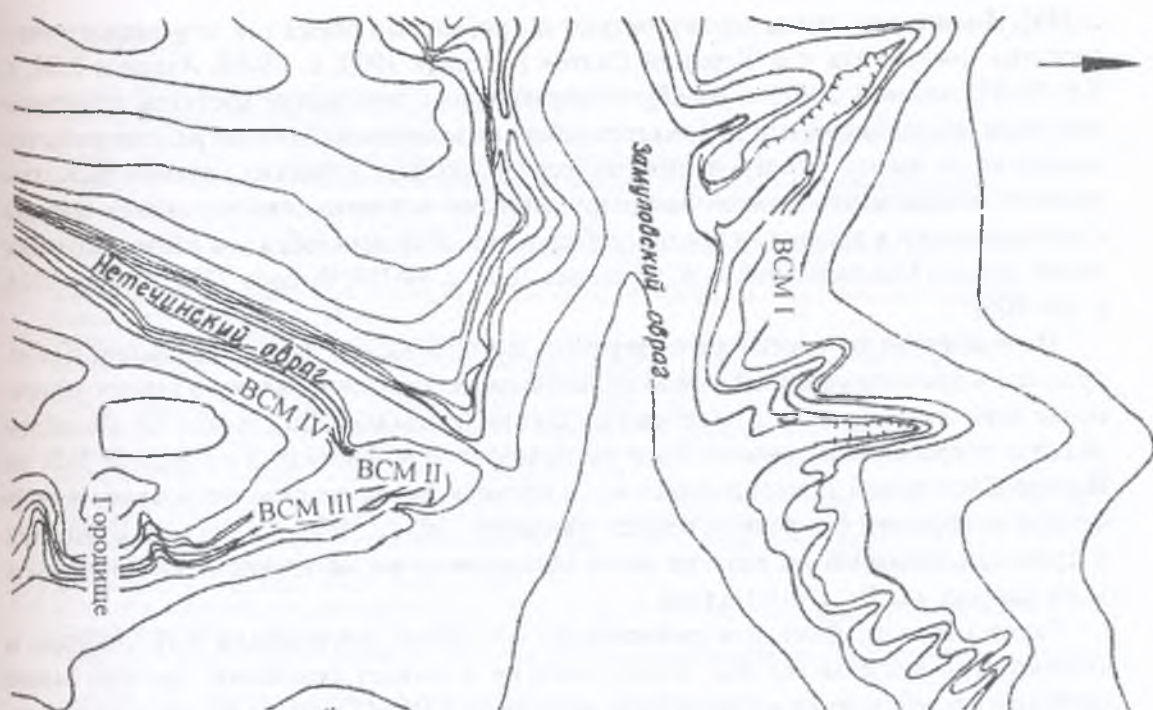

Рис. 4 Схема расположения катакомбных могильников у с. Верхний Салтов.

нологического горизонта по А.В. Комару и датируются рубежом VIII-IX вв. (790-810 гг.) [Комар 1999, табл. 4, с. 132]. Бронзовые штампованные бляшки из катакомбы №68 (Рис. 3: 9, 10) относятся к более позднему времени. Подобные бляшки характерны для комплексов первой половины IX в. – хронологический горизонт III по А.В. Комару [Комар 1999, табл. 4, с. 132]. Остальной погребальный инвентарь не противоречит данной датировке.

В 150 м севернее от исследованных катакомб №68, 69 в обресе Нетечинского яра прослеживаются промоины над дромосами и провалы над камерами еще не исследованных захоронений. Именно в этом месте В.А. Бабенко располагал второй некрополь Верхне-Салтовского археологического комплекса. Экспедицией Харьковского исторического музея в полевом сезоне 2006 г. был заложен раскоп на одном из таких провалов рядом с образом Нетечинского яра (Рис. 1). В результате удалось расчистить погребальную камеру и часть дромоса катакомбных захоронений, которое судя по полному отсутствию людских костей, погребального инвентаря уже подверглось до этого исследованию. На это указывала и обнаруженная на полу расчищенной погребальной камеры пара матерчатых рабочих перчаток синего цвета неплохой сохранности и обрывков полиэтиленового кулька. Данный случай подтверждает факт работ в этом месте профессиональных исследователей.

Таким образом, все выше сказанное позволяет предположить, что мы, по-видимому, имеем дело не с двумя отдельными некрополями – «вторым» В.А. Бабенко и «четвертым» В.Г. Бородулина, а с одним большим участком (Рис. 4), открытым еще в начале XX века и получившим тогда определение второго Верхне-Салтовского могильника. Подтверждается данное предположение и схожестью черт погребального обряда захоронений второго и так называемого «четвертого» некрополей. В свое время В.А. Бабенко отметил, что катакомбы второго могильника имеют определенные специфические черты – «Проходы в могилах здесь имели направление уже с западной стороны к восточной, камеры находились на очень незначительной глубине и имели гораздо меньшие размеры. Что же касается предметов, найденных при погребениях этих могил, можно сказать лишь, что предметы украшения были беднее и малочисленны ... Положение костяков – неправильное (подчеркнуто нами) ...» [Бабенко 1905,

с. 548]. Именно эти черты характеризуют погребальный обряд так называемого «четвертого» могильника у с. Верхний Салтов [Аксенов 2000, с. 78-80; Аксенов 2001, с. 3-5, 65-67; Аксенов 2002, с. 83-85]. «Неправильное» положение костяков, принимаемое ранее исследователями за факт разграбления захоронений сейчас рассматривается несколько по иному. Исследования раннесредневековых аланских катакомбных захоронений показали, что катакомбы с разрушенными человеческими костяками связаны с проведенными в древности постпогребальными обрядами (обрядом обезвреживания погребенных) [Аксенов 1999, с. 62; Аксенов 2002, с. 98-114; Флеров 2000; Флеров 2005, с. 381-406].

На тождество «второго» и «четвертого» могильников косвенно указывает и обнаружение в дромосе катакомбы №58 ВСМ-IV на входе в погребальную камеру захоронение девочки-подростка в сидячем положении [Аксенов 2003, с. 95-102]. Подобное сидячее погребение в дромосе было исследовано В.А. Бабенко в катакомбе №21 на Верхне-Салтовском II могильнике: «... в проходе имела детское погребение в скорченном положении без всяких вещей» [Бабенко 1905, с. 568]. Сидячие захоронения в дромосах катакомб ни разу не были обнаружены ни на главном, ни на третьем могильниках у с. Верхний Салтов.

Такие образом, факт тождественности «второго» могильника В.А. Бабенко и «четвертого» могильника В.Г. Бородулина не вызывает сомнений, так как самые северные исследованные катакомбные захоронения ВСМ IV находятся на расстоянии чуть более 1 км к югу от главного могильника, как раз на таком расстоянии от главного могильника располагал второй могильник у с. Верхний Салтов В.А. Бабенко. В целом же, следует считать неопровержимым фактом наличие около с. Верхний Салтов одного большого катакомбного могильника, занимающего склоны Капиносова, Симоненкова и Нетечинского яров и склоны правого берега р. Северский Донец на север от Верхне-Салтовского городища. На данном некрополе следует различать три самостоятельных участка, которые еще первооткрывателем могильника В.А. Бабенко были обозначены как первый, второй и третий могильник, отделенные друг от друга свободным от захоронений пространством. Для каждого из выделенных участков могильника характерны присущие только им черты погребальной обрядности. И если на Верхне-Салтовском могильнике открыты катакомбы как с поперечным размещением погребальных камер по отношению к дромосу, так и с продольным, то соотношение исследованных продольных и поперечных камер на одном участке некрополя отличается от аналогичного показателя для другого участка могильника [Хоружая, Аксенов 2005, табл. I]. А это позволяет вернуться к тезису первого исследователя памятника В.А. Бабенко о том, что наличие нескольких одновременных некрополей около с. Верхний Салтов является свидетельством присутствия на памятнике представителей нескольких народов [Бабенко 1905, с. 552].

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов В.С. Исследования Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1997 г. // Древности 1997 – 1998. – Харьков: Б изнес Информ, 1998. – С. 218 – 220.
- Аксенов В.С. Исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника // Археологічні відкриття в Україні 1997 – 1998 рр. – К.: Інститут археології НАН України, 1998. – С. 49 – 50.
- Аксенов В.С. К вопросу об обряде обезвреживания погребенных у аланского населения салтовской культуры // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции (Харьков, 21 – 23 октября 1999 г.). – Харьков, 1999. – С. 62.
- Аксенов В.С. Исследование Верхне-Салтовского катакомбного могильника // Археологічні відкриття в Україні 1999 – 2000 рр. – К., 2001 – С. 3 – 5.
- Аксенов В.С. Исследование Верхнесалтовского IV катакомбного могильника // Археологічні відкриття в Україні 1999 – 2000 рр. – К., 2001 – С. 65 – 67.
- Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // Российская археология. – 2002. – № 3. – С. 98 – 114.
- Аксенов В.С. Сидяче поховання з аланського катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2003. – №2. – С. 95 – 102.
- Бабенко В.А. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове, Волчанского уезда, Харьковской губ. // Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в г. Екатеринославе. – Харьков: «Печатное дело», 1905. – С. 547 – 577.
- Березовець Д.Т. Салтівська культура // Археологія Української РСР. – Київ: Наукова думка, 1975. – Т. 3. – С. 421 – 435.
- Иченская О.В. Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 140 – 148.
- Кидеев В.И. Украинский археолог, краевед и этнограф В.А. Бабенко (к 120-летию со дня рождения) // Древности 1996. – Харьков: Бизнес Информ, 1997. – С. 144 – 146.
- Колода В.В. Исследования раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. // Хазарский альманах. – Киев – Харьков, 2004. – Т. 3. – С. 213 – 241.
- Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. – 1999. – № 2. – С. 111 – 136.
- Мерперт Н.Я. «Верхнее Салтово». Салтовская культура. – Автореф. ... канд. ист. наук. – М. – Л., 1949. – 18 с.
- Семенов-Зусер С.А. Раскопки коло с. Верхнего Салтова 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. – 1949. – Т. 1. – С. 112 – 137.
- Семенов-Зусер С.А. Дослідження Салтівського могильника // Археологічні пам'ятки УРСР. – 1952. – Т. 3. – С. 271 – 284.
- Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V – VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. – М.: ПолиМедиа, 2000. – 164 с.
- Флеров В.С. Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на археологическом фоне Восточной Европы I тыс. н. э. // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: ДГУ, 2005. – Т. 4. – С. 383 – 406.
- Хоружая М.В., Аксенов В.С. Катакомбные захоронения Верхне-Салтовского археологического комплекса (к вопросу освоения аланским населением верхнего Подонцовья) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганск: Шлях, 2005. – С. 154 – 156.
- Шрамко Б.А. Орудия производства и оружие салтовской культуры // Пятая студенческая научная конференция, посвященная XI съезду ВЛКСМ: Тез. докл., 3 – 7 апреля 1949. – Харьков, 1949. – С. 124 – 126.
- Шрамко Б.А. Кераміка салтівської культури // Ученые записки ХГУ. – 1959. – Т. 100. – Труды исторического факультета. – Т. 7. – С. 241 – 267.
- Шрамко Б.А. Отчет о работе скифо-славянской экспедиции Харьковского госуниверситета в 1959 г. – Харьков, 1960. – 48 с. // Архив МАЭСУ. – Ф.1, 01., Д. 10а.
- Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. – Харьков: Вища школа, 1962. – 404 с.
- Шрамко Б.А. Погребения VIII – X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. – Минск: Наука и техника, 1983. – С. 48 – 50.